

В статье рассматриваются вопросы функционирования имен числительных в нижнечепецком диалекте, входящем в северное наречие удмуртского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения системы числительных в структурно-территориальных разновидностях удмуртского диалектного языка. Нижнечепецкий диалект формировался в условиях изолированности от основного ареала распространения удмуртских диалектов, в результате чего в его языковой системе сформировался ряд особенностей. Отмечается, что в указанном диалекте числительные по своим содержательным и структурным характеристикам во многом совпадают с системой удмуртского литературного языка. Особое внимание уделяется описанию специфических черт, отличающих исследуемый диалект от других говоров севернoudмуртского ареала. Отмечаются различительные явления в образовании и употреблении некоторых нумеральных слов. Освещаются особенности в фонетическом оформлении отдельных простых числительных. Также выявляется территориальная распространенность диалектных модификаций в области числительных в севернoudмуртском языковом ареале. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями северных диалектов и других удмуртских говоров. В настоящее время в нижнечепецком диалекте наряду с исконными названиями чисел активно употребляются русские заимствования. Подобная тенденция в последнее время наметилась и в других удмуртских диалектах. Приведенные данные показывают, что из обследованных говоров в функционировании нумеральных слов больше специфических черт проявляет слободской говор, что в определенной степени обусловлено историей его формирования. Эмпирической базой исследования послужили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в районы проживания нижнечепецких удмуртов.

Ключевые слова: удмуртский язык; грамматическая система; диалектная морфология; северные диалекты; числительные; морфологическая структура; фонетическое оформление; диалектное варьирование; функционирование числительных.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-556-566

В научной литературе, несмотря на наличие серьезных исследований по удмуртским числительным (см., например: [ГСУЯ 1962, 148–166; Серебренников 1963, 214–230; Bartens 2000, 142–148; Csúcs 2005; УКК 2011, 88–106; Стрелкова 2013, 58–63; Максимов 2017, 7–17; 2018, 245–251; и др.]), не нашло должного описания многообразия данного лексико-грамматического класса слов в частных удмуртских диалектных системах. До настоящего времени нерешенным остается целый ряд проблем, затрагивающих вопросы функционирования числительных, их фонетического оформления, а также особенностей проявления морфологических и синтаксических свойств в диалектных вариантах удмуртского языка.

Данное исследование посвящено анализу особенностей в системе числительных нижнечепецкого диалекта (или нижнечепецких говоров), входящего по своим наиболее характерным языковым признакам в северное наречие удмуртского языка. В зоне распространения северного наречия, помимо нижнечепецкого, выделяется еще два диалекта: среднечепецкий и верхнечепецкий. В целях установления специфики исследуемого диалекта в севернoudмуртском языковом ареале фактический материал по возможности анализируется в контексте других удмуртских диалектных микросистем. Исследование основано на материалах, собранных автором во время экспедиций к нижнечепецким удмуртам в 2014–2017 гг.

Нижнечепецкий диалект сложился в периферийной северо-западной зоне удмуртского языкового пространства и функционирует за пределами Удмуртской Республики в Слободском, Унинском, Зуевском, Фаленском и Богородском районах Кировской области. В описываемом диалекте выделяются 2 говора: слободской и косинский (далее в примерах – *сл.*, *кос.* соответственно) [Тепляшина 1970, 157–158; Карпова 2016, 20]. Слободская группа удмуртов, по нашим последним данным, про-

живает в 12 населенных пунктах Слободского района Кировской области: дд. Светозарево (*гырдор*¹), Пески (*пэски*), Красногорье (*чола*), Бурино (*с'ура*), Нижнее Мочагино (*понул*), Верхнее Мочагино (*кунды*), Омсино (*чабйа*), Паскино (*поска*), Подгорная (*подго·рной*), Сизево (*бигра*), с. Карино (*бигэр*) и с. Круглово (*с'эло*). Носители косинского говора ныне компактно живут в 10 населенных пунктах следующих районов: Зуевский район – дд. Березник (*кййонгурт ~ кыйонгурт*), Городище (*поркар*), Поля (*удэга*), Слудка (*урморт горд'д'ар ~ горд'д'ар*); Унинский район – дд. Астрахань (*астаркан*), Сибирь (*пэчкэз'*); Фаленский район – дд. Баженово (*бажгурт*), Полом; Богородский район – дд. Павловка (*павловка*), Караул (*ыктым*).

По наиболее характерным языковым чертам слободской и косинский говоры достаточно близки между собой. Вместе с тем выявляются некоторые различия, связанные с историей формирования этих двух групп говоров, которое происходило разными путями. Косинские удмурты-ватка, как отмечают исследователи, представляют собой локальную группу слободских удмуртов, переселившихся с Вятки, из-под Слободского, примерно в конце XVII века [Атаманов 2005, 67]. Территориальная оторванность привела к ослаблению культурных и экономических связей между слободскими и косинскими удмуртами и способствовала выработке ряда специфических особенностей фонетического, морфологического, лексического и синтаксического характера в их языках.

Морфологическая система числительного нижнечепецкого диалекта по своим структурным и содержательным характеристикам во многом совпадает с системой числительного общенационального удмуртского языка. В то же время в области числительных указанного диалекта наблюдаются особенности в фонетическом оформлении, структуре, моделях образования и употреблении отдельных нумеральных слов.

Анализ собранного материала позволил выявить в морфологической системе числительных нижнечепецкого диалекта определенные тенденции. Остановимся на их рассмотрении.

1. Специфика говоров исследуемого ареала проявляется в фонетическом оформлении некоторых простых числительных.

1.1. Числительное *одиг* 'один', функционирующее в данном оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено в форме *ойик*. Примеры: сл. *ойиг казати кэл'ти, чи-сто пако-ст'ит' карэ со бакчайын*. Пас. 'Одного козленка я оставила, всё безобразничает он в огороде'; сл. *ойиг нылы улэ дышэйтис'ын ф а л' о н к иын*. НМоч. 'Одна из моих дочерей работает учителем в Фаленках'; сл. *зёк коркан улэ вал ойиг тиосмурт*. Свет. 'В большом доме жил один мужчина'; сл. *с'э-м-а, во-с'эм-а вал пинал'л'осыз с'эмйайаз, ойигэз но пинал'л'осыз өвён'*. Свет. 'Семь ли, восемь ли детей у нее было в семье, ни одного из детей [в живых] уже нет'. Спорадически фонетический вариант *ойик*, наряду с формой *одиг*, встречается также в косинском говоре. Примеры: кос. *ойик пол но мыным йуртыны вэтлэмэз кй вал, оз' ик кал'л'эн т'анут' кари хоз'айствомэ*. Ас. 'Ни один раз даже не приходил [он] мне помогать, так и потихоньку сама тянула хозяйство'; кос. *одиг пунуйэ мынам, н'эмыри но өвёл кал'*. Ок. 'Одна собака у меня, никого ('ничего') нет у меня сейчас'; кос. *одиг арын н'ыл' шбй' уати*. Ок. 'В один год четырех человек ('труппа') похоронила я'.

Употребление варианта *ойик* отмечается исследователями в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 207; Люкина 2016, 106], также в отдельных граховских говорах собственно южного диалекта [Атаманов 1981, 51]. По происхождению первичной из указанных форм является вариант *одиг* [КЭСК 1970, 112]. В нижнечепецком диалекте и бесермянском наречии, как полагает Т. И. Тепляшина, данная форма подверглась определенным изменениям: вначале под влиянием переднерядного гласного *и* произошло смягчение предыдущего согласного *д*, затем мягкий согласный *д'* перешел в среднеязычный *й*: *одиг > од'иг > ойик* [Тепляшина 1970а, 207–208]. Считаем, что фонетическая модификация *ойиг* в слободском говоре возникла под влиянием бесермянского языка, носители которого, согласно данным М. Г. Атаманова, переселились из среды граховских, кукморских, нижнеижских, кизнерских (нижневятских) удмуртов [Атаманов-Эграпи 2017, 352–362]. Следует отметить, что в других севернудмуртских диалектах указанное числительное функционирует в единственном варианте – *одиг* 'один'.

1.2. В говоре косинских удмуртов числительное 'четыре' выступает в вариативных формах *н'ил'* и *н'ыл'*, причем более широкое распространение имеет первый вариант. Примеры: кос. *н'ил'*

¹ В скобках даны удмуртские названия населенных пунктов.

с'эстрайос сооз вал. Берез. 'Четыре сестры их было'; кос. *н'ил' парс бас'ти. сойосты вузал'л'ал'л'ай но оз' тин' ули.* Сиб. 'Четырех поросят купила [я]. Их продавала и так вот жила'; кос. *н'ыл' арзэ улыс'ко н'и о к т' а б с к о йын.* Ок. 'Четыре года живу уже в Октябрьском'. В слободском говоре, как и в других северноудмуртских диалектах (за исключением юкаменского говора среднечепецкого диалекта, где он представлен в варианте *н'ил'*), указанное числительное, как правило, выступает в форме *н'ыл'*: сл. *н'ыл' толыз' кыл'л'и к и р о вын бол'н'иццаын.* НМоч. 'Четыре месяца лежала я в Кирове в больнице'; сл. *кўин' ни да н'ыл' ныл кулэмын со ава-риын.* Свет. 'Три парня и четыре девушки погибли в той аварии'. Следует отметить, что фонетический вариант *н'ил'* характерен для говоров южной диалектной зоны, в частности, кырымасских [Кельмаков 1977, 33], граховских [Атаманов 1981, 48; 2005а, 180]. Наряду с формами *н'ыл' ~ н'ул'* он наличествует также в бесермянском наречии [Люкина 2016, 106]. Функционирование фонетических вариантов числительного 'четыре' обусловлено различной рефлексацией праудмуртского *й* в современных удмуртских диалектах. В позиции перед палатальным согласным в качестве субститута гласного *й* в отдельных южноудмуртских говорах, как отмечает В. К. Кельмаков, спорадически выступает гласный *и* [Кельмаков 1977, 33]. В отношении модификации *н'ил'* и *н'ыл'* в косинском говоре нужно сказать, что форма *н'ил'*, по-видимому, возникла под влиянием произносительных норм гласного *и* местных русских говоров, с носителями которых косинские удмурты издавна находятся в тесных и постоянных контактах.

1.3. Некоторое внутрдиалектное различие в оформлении числительных исследуемого ареала наблюдается в названиях, выражающих понятия 'три', 'шесть', 'тридцать'. В слободском говоре, как и в большинстве удмуртских диалектов, в том числе в среднечепецком и верхнечепецком, указанные числительные употребляются в форме *кўин'* 'три', *кўат'* 'шесть', *кўамын* 'тридцать' соответственно. В отличие от этого, в речи косинских удмуртов наблюдается функционирование вариативных форм данных числительных: *квин'* ~ *кўин'* 'три', *кват'* ~ *кўат'* 'шесть', *квамын* ~ *кўамын* 'тридцать'. Примеры: кос. *квин' ар чож воз'мас'ки.* Берез. 'В течение трех лет пастушила [я]'; кос. *кўин' чөчэн мыним пруд дурэ.* Берез. 'Втроем пошли мы к пруду'; кос. *кват' ад'амийэз ўан' эшишо уд э г аын улыс'эз.* Ок. 'Шесть человек живущих есть еще в [деревне] Поля'; кос. *ныл'л'ос кўат' ми ужам клас-сыс'тымы колхозын.* Ок. 'Шесть девочек из класса мы работали в колхозе'; кос. *со быцца вал д'эрэв'а, квамын дорэ хоз'айство вал.* Берез. 'Такая [большая] деревня была, около тридцати хозяйств насчитывалось'. Отметим, что в современном косинском говоре формы числительных *квин'*, *кват'* и *квамын* встречаются нерегулярно, они зафиксированы нами в речи отдельных диалектоносителей в основном преклонного возраста, поэтому данный диалектный вариант является утрачивающейся особенностью. В прошлом употребление звука *в* вместо неслогового *ў* после анлаутного глухого *к* перед гласными *а* и *и* в нижнечепецком ареале, по-видимому, имело более широкое распространение. Согласно материалам Т. И. Тепляшиной, это явление встречалось и в слободском говоре [Тепляшина 1970, 171].

Спорадическое замещение неслогового *ў* звуком *в* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и* нами зафиксировано также в южной части дебесского говора верхнечепецкого диалекта, точнее в тыловыйском подговоре, при этом оно выявлено в основном в речи носителей пожилого возраста [Карпова 2015, 52]. Из других удмуртских диалектов описываемое явление зарегистрировано в отдельных срединных говорах [Кельмаков 1998, 85]. В частности, к таким говорам относится шарканский, входящий в группу средневосточных говоров и примыкающий с юга к тыловыйскому подговору дебесского говора [Максимов 2018, 198]. Следует указать, что формы числительного 'шесть' с сочетанием *кват'* отмечаются во всех коми-зырянских диалектах (в вариантах *кват'*, *квйт'*) [Попова, Сажина 2014, 150] и коми-пермяцком языке (в варианте *квать*) [Баталова 1975, 173].

С. А. Максимов, исследуя историю развития ареалов функционирования консонантного сочетания *кв-* (*ква-*, *кви-*) анлаута слова в пермских языках, приходит к выводу, что в удмуртских диалектах указанное явление формировалось в процессе языкового взаимодействия с коми населением. С точки зрения ученого, звукопереход *ў* в *в* в коми языках произошел после начала контактов коми с русским населением. Толчком для такого изменения, как он считает, послужило проникновение русских слов, содержащих звуко сочетание *хва-* (*ква-*), ср.: кз. *квастайтны*, кп. *квастайтны* < рус. *хвастать*. В результате появления заимствованных слов с не характерным для коми языков фонотаксисом был нарушен общепермский закон дистрибуции согласного *в* (в прапермский период он функционировал только в анлауте). Как продолжает исследователь, данный звук проник за пределы анлаута и начал употребляться в сочетании *ква-* не только в русских заимствованиях, но и в исконных

лексемах на месте *кѳа-*. Описанное инновационное явление в коми фонотаксисе вместе с миграционной волной проникло к нижнечепецким удмуртам. С нижней Чепцы оно распространилось по р. Косе, а также на среднюю и верхнюю Чепцу. Однако, как отмечает С. А. Максимов, «привнесенное извне через коми язык сочетание *кѳа-*, чуждое для удмуртского языка, вступило в противоречие с его фонотаксисом (ср.: сч. *кѳашн'а* < рус. *кѳашня*, удм. диал. *кѳарт'ира* < рус. *квартира*), поэтому в большинстве говоров произошло выравнивание в пользу неслогового *ѳ* (*кѳа-*), в том числе в слободском говоре нижнечепецкого диалекта» [Максимов 2018, 200]. Сохранение в косинском говоре нижнечепецкого диалекта указанного звука исследователь связывает с интенсивным русским влиянием [Там же. С. 199–200]. В этом вопросе мы полностью разделяем данную точку зрения. Что касается употребления сочетания согласных *кѳ-* (*кѳа-*, *кѳи-*) в тыловайском подговоре верхнечепецкого диалекта, то указанная черта возникла в результате миграционных волн удмуртов с нижней Чепцы в верхнечепецкий ареал.

1.4. Числительное *т'амыс* 'восемь', выступающее в данном фонетическом оформлении в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, в слободском говоре нижнечепецкого диалекта представлено вариативными формами *кѳамыс* ~ *т'амыс*, причем наиболее интенсивным употреблением характеризуется форма *кѳамыс*. Примеры: сл. *кѳамыс арэс мыным тырмис кэ, мон вэт' карток копаны вэтти н'и*. Кар. 'Когда **восемь** лет мне исполнилось, я ведь картошку ходил уже копать'; сл. *фат'эрын ми ули-мы т'амыс ад'ами, общэжси-т'т'э ой вал*. Бур. 'На квартире мы жили **восемь** человек, общежития не было'. Числительное *т'амыс* (*кѳамыс*) исследователи возводят к общепермскому **kŭkjamis* [КЭСК 1970, 140]. С точки зрения Б. А. Серебренникова, «палатализованное *t'* в удмуртской форме *t'jamys* могло возникнуть из сочетания *t'j*. Весьма вероятно, что в удмуртском языке из *kŭkjamys* в быстрой речи возникла аллегроформа *kjamis*, откуда позднее возникло *kjamys*» [Серебренников 1963, 22]. В коми-зырянском языке понятие «восемь» передается лексемой *кѳкѳамыс*. Использование формы *кѳамыс* в слободском говоре, как нам представляется, могло произойти в результате ареальных связей нижнечепецких удмуртов с коми-зырянами.

2. Специфика слободского говора проявляется в образовании названий десятков от сорока до девяноста. В удмуртском литературном языке и большинстве диалектов, как правило, они образуются по модели «единица + формант *дон/-тон*»: *н'ыл'дон* 'сорок', *вит'тон* 'пятьдесят', *кѳат'тон* 'шестьдесят', *с'из'ым'дон* 'семьдесят', *т'амыстон* 'восемьдесят', *укмыстон* 'девяносто'. В отличие от этого, в слободском говоре соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дас/-тас*: *н'ыл'дас* 'сорок', *вит'тас* 'пятьдесят', *кѳат'тас* 'шестьдесят', *с'из'ымдас* 'семьдесят', *т'амыстас* 'восемьдесят', *укмыстас* 'девяносто'. Примеры: сл. *вит'тас с^бкал'л'ослэс' кэн'а кыс-кис'ко вал мон йёл*. Пес. 'От **пятидесяти** коров сколько выдаивала я молока'; сл. *с'из'ымдас бэраз кулиз мумиз. ой бэн, йун вис'ис со*. Свет. '[В возрасте] старше **семидесяти** [лет] умерла его мама. Ох, как же сильно болела она'; сл. *н'ыл'дас арэс со кышнолы*. Свет. '**Сорок** лет той женщине'.

Аналогичное образование названия десятков с помощью элемента *-дас*, начиная с семидесяти, встречается почти во всех зырянских диалектах. Кроме этого, в южной группе зырянских диалектов (среднесысольском, верхнесысольском, лузско-летском) бытуют названия десятков 'тридцать', 'сорок', 'пятьдесят', 'шестьдесят', также оформленные формантом *-дас*. В коми-пермяцком языке, согласно данным С. А. Максимова, указанный компонент представлен в названиях десятков, включая и число 'двадцать' [Максимов 2018, 247]. По мнению ученого, «коми-пермяцкая система названий десятков вместе с миграционной волной проникла в южные зырянские диалекты, а также в слободской говор удмуртского языка, в котором она является не архаичной, как полагают некоторые исследователи, а представляет собой суперстратное заимствование. Последнее могло иметь место в XVII в. в результате миграции коми на юг» [Максимов 2018, 250].

Следует отметить, что в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, как и в других удмуртских диалектах и литературном языке, соответствующие числительные образуются с помощью компонента *-дон/-тон*: *н'ил'дон* 'сорок', *вит'тон* 'пятьдесят', *кѳат'тон* ~ *кѳат'тон* 'шестьдесят', *с'из'ымдон* 'семьдесят', *т'амыстон* 'восемьдесят', *укмыстон* 'девяносто'. Примеры: кос. *н'ил'дон ар улыс'ком н'и мужикэ-ным, род ём улэ, шуо*. Ас. '**Сорок** лет вместе живем уже с мужем, плохо не жили, скажу'; кос. *ко-т'мар дун'н'э мон адзэмын, укмыстон арэс н'и бэн мыным*. Берез. 'Всякую жизнь я повидала, **девяносто** лет уже мне'; кос. *коркайос вит'тон дорэ вал у д эг аын*. Берез. 'Домов около **пятидесяти** насчитывалось в [деревне] Поля'. Данный факт свидетельствует о том, что в слободском говоре система десятков с формантом *-дас/-тас* утвердилась уже после того, когда часть его носителей переселилась в бассейн р. Косы.

3. В слободском говоре определенный интерес вызывает модель образования некоторых составных числительных промежуточных рядов. В частности, в составных числительных от сорока и выше между десятками и единицами вставляется соединительный союз *но* 'и': *н'ыл'дас но вит'* 'сорок пять', *вит'тас но кйамыс* 'пятьдесят восемь', *н'ыл' с'у с'из'ымдас но вит'* 'четыреста семьдесят пять'. Примеры: сл. *н а д' амэ вайыкым, мыным н'ыл'дас но кык арэз вал н'и*. Бур. 'Когда я родила Надю, мне уже **сорок** один год исполнился'; сл. *вит'тас но ойиг луоз н'и солы*. Бур. '**Пятьдесят один** год уже исполнится ему'; сл. *чындыр нэ вэчи со дышэтыс'. эгит өвөн', вит'тас но вит'лэс' бо-л'шэ ужо солы, пожа-лой*. Свет. 'Очень худая эта учительница. Уже не молодая, больше **пятидесяти пяти** [лет ей] уже'; сл. *мумилы кўат'тас но укмыс арэс вал, ку со п о с кала тубиз*. Ом. 'Маме моей **шестьдесят девять** лет было, когда она в Паскино переехала'. Употребление подобных по своей структуре составных числительных в нижнечепецком диалекте впервые было отмечено Т. И. Тепляшиной. В материалах исследователя союз *но* 'и' зафиксирован в названиях чисел второго десятка (между числительным *дас* 'десять' и единицами: *дас но ойик* 'одиннадцать', *дас но кык* 'двенадцать'), в названиях сотен (между числительным, обозначающим число сотен, и числительным *сю* 'сто': *кык но сю* [*кык но с'у*] 'двести', *квинь но сю* [*квин' но с'у*] 'триста'), также между сотнями и десятками (*сю но дас ойик* [*с'у но дас ойик*] 'сто одиннадцать', *кык сю но квамьн ойик* [*кык с'у но квамьн ойик*] 'двести тридцать один') [Тепляшина 1970, 172–173]. Следует указать, что во время экспедиций к слободским удмуртам в 2014, 2015 гг. не все структурные типы числительных с союзом *но*, представленные в материалах Т. И. Тепляшиной, нами были зарегистрированы. В частности, не нашло подтверждения присутствие указанного союза в названиях чисел второго десятка, в названиях сотен (между числительным, обозначающим число сотен, и числительным *с'у* 'сто'), в составных числительных между сотнями и десятками, например: *дас ойиг* 'одиннадцать'; *дас кык* 'двенадцать'; *кык с'у* 'двести'; *вит' с'у* 'пятьсот'; *ныл' с'у дас* 'четыреста десять'; *с'из'ым с'у вит'тон* 'семьсот пятьдесят'. Во всех обследованных населенных пунктах, как показывают наши полевые данные, союз *но* появляется исключительно в структурной модели от сорока и выше и только перед единицами. Примеры: сл. *ми дас ойиг пина'л'лос вал с'эмйаын*. Пес. 'Нас **одиннадцать** детей было в семье'; сл. *вит'тас но вит' арэс тырмис кэ, ой н'и ужа, пэн'с'ийэ поти*. Бур. 'Как исполнилось **пятьдесят пять** лет, не стала я уже работать, на пенсию пошла'.

Аналогичное явление имеет место в ижемском, печорском и вымском диалектах коми-зырянского языка, где в составных числительных от семидесяти (имеющих также в своей структуре компонент *-дас*) и выше между десятками и единицами, между сотнями и десятками вставляется соединительный союз *да* [Баталова 1982, 135; Попова, Сажина 2014, 151].

Относительно специфики функционирования в слободском говоре составных числительных в структурной группе от сорока и выше следует сказать, что данное явление, по-видимому, представляет собой позднюю инновацию, возникшую под воздействием коми диалектов.

4. В косинском говоре некоторая особенность обнаруживается в образовании числительных приблизительного счета. В удмуртском языке одним из распространенных способов образования нумеральных слова данного разряда является синтаксический способ – сочетание количественного числительного с послелогоми *пала*, *мында*, *котыр* со значением 'примерно, приблизительно, около'. Следует отметить, что употребление указанных послелогов не является одинаковым в удмуртских диалектных микросистемах, в том числе и в диалектах северного наречия. В частности, в среднечепецком и нижнечепецком диалектах активно функционируют все указанные послелого: сч. нч. *кык ар пала* 'около двух лет'; сч. нч. *вит' с'у грамм мында* 'примерно пятьсот грамм'; сч. нч. *вит'тон котыр ад'амийэз* 'примерно пятьдесят человек'. В верхнечепецком диалекте более широким употреблением характеризуются послелого *пала*, *котыр*, а послелог *мында* встречается намного реже. Специфика косинского говора нижнечепецкого диалекта проявляется в том, что в данном говоре для обозначения приблизительного счета, помимо указанных послелогов, используется также послелог *дорэ* 'приблизительно, примерно': *кык л'итра дорэ* 'около двух литров'; *вит'тон вал'л'ос дорэ* 'около пятидесяти лошадей'; *кыз' ад'ами дорэ* 'около двадцати человек'. Примеры: кос. *кык киломэ-тра дорэ пос'о-локоз' луоз*. Берез. '**Около двух** километров будет до поселка'; кос. *калыкэз ичи ой вал у д э г аын, вит'тон дорэ вал хоз'а-йство отын*. Ок. 'Людей мало не было в [деревне] Поля, **около пятидесяти** было хозяйств там'. Указанный послелог в функции выражения приблизительной семантики не свойственен другим удмуртским диалектам. Отметим, что в данных конструкциях послелог

дорэ, как и другие отмеченные послелого, чаще размещается после сочетания числительного с существительным, реже – после числительного.

В нижнечепецких говорах, как и в других удмуртских диалектах, приблизительная семантика может выражаться также сочетанием двух числительных, первое из которых обозначает меньшую величину, второе – большую: сл. *ойиг-кык ад'ами*, кос. *одиг-кык ад'ами* 'один-два человека'; сл. *вит'-кўат' нунал*, кос. *вит'-кўат' нунал* ~ *вит'-кват' нунал* 'пять-шесть дней'. Примеры: кос. *одик-кык нунал орчыса ти вунэто-ды милэмэс*. Сиб. 'Через **один-два** дня вы забудете о нас'; сл. *кык-кўин' пэрэс'с'ос дэрэвн'а-мы шна ўан'*. Ом. 'Два-три старика в нашей деревне еще есть'; сл. *с'из'ым-кйамыс часын вуоз кэнмы фэрмаыс'*. Свет. 'В **семь-восемь** часов придет наша сноха с фермы'.

5. Дробные числительные для говоров нижнечепецкого ареала, как в целом и для других удмуртских диалектов, являются не совсем характерными и встречаются довольно редко. В литературном языке они образуются сочетанием количественных числительных, одно из которых является числителем, другое – знаменателем. К числительному, выступающему в роли знаменателя, прибавляется суффикс *-мос*. Нижнечепецкому диалекту указанный морфологический способ выражения дробных значений не свойственен. В описываемом диалекте, согласно нашим материалам, наиболее распространенным является образование дробных числительных посредством слова *лыны* 'половина' и союза *но* 'и', при этом союз находится в препозиции по отношению к слову *жыны*. Примеры: кос. *кык но жы-ны кило сахар пони варэн'н'ам, л'экос нап луиз*. Ас. 'Два с **половиной** килограмма сахара положила в варенье, очень густое оно стало'; кос. *кўин но жы-ны тэлыз' кыл'из на внуҷокэлы служит' карыны*. Берез. 'Три с **половиной** месяца осталось служить моему внуку'.

В верхнечепецком и среднечепецком диалектах имеет место описательный способ выражения дробных числительных, например: сч. *кыкэз н'ыл' л'укэтлы л'укьса, кона луоз?* 'Два на **четыре части** разделив, сколько получится?'; вч. *укмыс л'укэт бас'тим но сэрэ отыс' кўин л'укэтсэ гинэ вузам*. 'Девять **частей** купили, а потом оттуда **три части** только продали'. В нижнечепецком диалекте подобные формы нам не удалось зарегистрировать. Отметим, что описательный характер выражения дробных величин распространен в кукморском [Кельмаков 1970, 17], красноуфимском [Насибуллин 1978, 98] говорах южного наречия, а также в средневожосточных [Бушмакин 1971, 20] и прикильмезских срединных [Загуляева 1980, 107] говорах.

6. В нижнечепецком диалекте, подобно другим удмуртским говорам, собирательные числительные образуются как синтетическим, так и аналитическим способами. В соответствии с нашими полевыми данными, в указанном диалекте наиболее распространенной формой выражения совместности является аналитический тип, образующийся сочетанием количественных числительных с послелогом *ҷошэн* (~*ҷоҷэн*) в значении 'вместе, совместно' (в таких сочетаниях главное словесное ударение падает на числительное, а второстепенное – на послелог). Примеры: сл. *кал' кык ҷошэн улыс'ком картэным*. *вэ-с'эло улыс'киз пинал'л'осын*. Свет. 'Сейчас **вдвоем** живем с мужем. Весело жилось с детьми'; кос. *ус'сэ ми н'ил' ҷоҷэн маштас'кыны мыном*. Сиб. 'Послезавтра мы **вчетвером** пойдем грести сено'; кос. *классыс'тымы ми квин' ҷоҷэн к и р о вэ дышэтскыны мыним вал*. Сиб. 'Из класса мы **втроем** в Киров поехали было учиться'. Подобный тип образования собирательных числительных активно функционирует в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта. Для верхнечепецкого диалекта характерным является употребление сочетаний с послелогом *куз'а*. В отличие от этого, в ареале глазовского и бalezинского говоров среднечепецкого диалекта наблюдается параллельное употребление конструкций как с послелогом *куз'а*, так и с послелогом *ҷошэн* (~*ҷоҷэн*).

Сочетания с послелогом *ҷошэн* (~ *чошэн* ~ *т'ошэн*) характерны также для бесермянского наречия [Тепляшина 1970а, 210; Люкина 2016, 108], наличествуют они в кукморском и шошминском южноудмуртских говорах. В большинстве удмуртских диалектов семантику собирательности выражает конструкция количественного числительного с послелогом *куз'а*.

В нижнечепецком диалекте, как и в других северноудмуртских диалектах, наряду с аналитическим типом представлено также морфологическое оформление собирательных числительных. Они образуются от количественных числительных посредством суффиксов *-на* и *-из*, первый из которых диахронически восходит к общепермскому суффиксу собирательных числительных **-на* [Серебряников 1963, 229], а формант *-из* представляет собой выделительно-указательный суффикс (при этом всегда акцентируется суффикс *-на-*). Примеры: кос. *кыкна-из ныл'л'осы уло з у эфкын*. Ок. 'Обе до-

чери мои живут в Зуевке'; кос. *мил'ам кўйн'на-из ныл'л'ос*. Берез. 'У нас **все четверо** [детей] девочки'. В нижнечепецких говорах собирательные числительные, согласно нашим полевым данным, могут оформляться и без выделительно-указательного суффикса *-из*, например: кос. *вис'э кыкна пьд'эсы*. *эгитыс'эн пьды вис'э*. Ас. 'Болят **обе колени** у меня. С молодости ноги болят'. Аналогичное явление имеет место в среднечепецком и верхнечепецком диалектах, отмечается оно и в бесермянском наречии [Тепляшина 1970а, 212]. В других удмуртских диалектах усеченные формы собирательных числительных не зарегистрированы.

Бытование слов с формантом *-нан-* без притяжательных суффиксов находит параллели в коми диалектах: кз. *кыкнан* (повс.) 'оба, обе' [ССКЗД 1961, 186], кп. *кыкнан кинас* 'обеими руками' [Баталова 1975, 100]. Проанализировав лингвистический материал по диалектам пермских языков, С. А. Максимов приходит к выводу, что собирательные числительные с маркером *-на-* без последующего посессивного суффикса в северной диалектной зоне удмуртского языка и в коми языках представляют собой архаичное явление [Максимов 2018, 257].

7. Касаюсь вопроса функционирования числительных, отметим, что, несмотря на наличие в удмуртском языке полного набора собственных лексических единиц, в настоящее время в нижнечепецком диалекте, как и в целом во всей северной диалектной зоне удмуртского языка, наряду с исконными числительными широко употребляются заимствованные. Эта особенность проявляется не только в речи молодежи, но и людей старшего поколения. Как отмечает С. А. Максимов, русские заимствованные числительные при этом «имеют определенные сферы употребления и известную функциональную дифференциацию» [Максимов 2017, 12]. Наблюдения над диалектной речью показывают, что в первую очередь они используются в случае выражения даты, названия времени, возраста человека, например: сл. *со·рок шйштом году вуиз айи войнаыс'*. Бур. 'В [тысяча девятьсот] **сорок шестом** году отец мой вернулся с войны'; сл. *кал' шна во·с'эм часов, бол'н'ича пьщамын луоз*. Пас. 'Сейчас еще только **восемь** часов, медпункт закрыт будет'; кос. *пийэлы сорок л'эт вал. жёкас со*. Берез. 'Сыну моему **сорок** лет было. Утонул он'; кос. *ско·тн'иком мон ужай д'э·с'эм' л'эт*. Ок. 'Скотником я работал **десять** лет'. Достаточно активно бытуют русские числительные, обозначающие денежные единицы, стоимость предмета, вес, площадь, температуру, оценки учащихся и т. д., например: кос. *кинлэн кэ вит' пинал'л'осыз, соослы ты·с'ачу рубл'эй с'ото*. Ас. 'У кого пятеро детей, тем [одну] **тысячу** рублей выплачивают'; кос. *пийэлэн три·цэт' во·с'эм луэм т'эмперату·райээ*. Берез. 'У сына моего температура поднялась до тридцати восьми ('стала **тридцать восемь**'). Используя русский счет, нижнечепецкие удмурты включают в свою речь не только заимствованные числительные, но и вводят различные счетные конструкции, оформленные по модели русского языка. К примеру, довольно часто отмечаются сочетания типа числительное плюс существительное. Примеры: сл. *эгит на вал ышна айиз. мумиз кулэм со·рок л'этын*. Кар. 'Молодым был еще его отец. Мама его умерла в **сорок лет**'; кос. *во·с'эм человек кыл'эмын на с л у т к айэ*. Мух. '**Восемь человек** [живущих] осталось в Слудке'; кос. *два·цэт'лэс' но бо·л'шэ вал домов ч у г айын*. Сиб. '**Больше двадцати домов** было в Чугае'; кос. *со·рок чэты·рэ л'эт зёкэзлы пийэлы*. Ас. '**Сорок четыре** года старшему сыну моему'; кос. *ял'л'о ужай дойа·ркой три с полови·ной года*. Ас. 'Вначале работала [я] дояркой **три с половиной года**'.

Специфика нижнечепецких говоров, как и других северных диалектов, проявляется также в том, что их носители при счете до десяти активно употребляют русские порядковые числительные: *пэ·рвой* 'первый', *торой* ~ *фторой* 'второй', *трэ·т'м'эй* ~ *трэ·т'м'ой* 'третий', *чэд'вйо·ртой* ~ *чэд'во·ртой* ~ *чэдвйо·ртой* ~ *чэд'вйо·ртой* ~ *чэд'во·ртой* ~ *чэдвйо·ртой* 'четвертый', *пйа·той* ~ *пйа·тый* 'пятый', *шэстой* ~ *шэштой* ~ *шйстой* ~ *шйштой* 'шестой', *с'эд'мой* 'седьмой', *вос'мой* 'восьмой', *дэвйа·той* ~ *дэвйа·тый* 'девятый', *д'эс'а·той* ~ *д'эс'а·тый* 'десятый'. Примеры: кос. *шэштой домын улэ со кышномурт*. Ок. 'В **шестом** доме живет та женщина'; сл. *и л' л' и н д'эн' фторо·ва августа карыс'ком*. Пес. '[Праздник] Ильин день **второго** августа отмечаем'; сл. *мон фэрмээ ужаны вэтти трэ·т'м'эй классыс'эн шна*. ВМоч. 'Я на ферму ходила работать еще с **третьего** класса'.

Аналогичное употребление русских заимствованных числительных отмечается в бесермянском наречии [Люкина 2016, 109], в прикильмезских срединных говорах [Загуляева 1980а, 12]. Подобное явление широко бытует также в коми-зырянских [Попова, Сажина 2014, 157–158] и коми-пермяцких диалектах [Баталова 1975, 175; 1982, 134].

Таковы в целом различительные явления в системе имен числительных нижнечепецкого диалекта. На междиалектном и внутридиалектном уровнях отличия обнаруживаются как в фонетическом оформлении, так и в словообразовательной модели и морфологической структуре некоторых групп числительных. Проведенный анализ показал, что из обследованных говоров в функционировании нумеральных слов больше специфических черт проявляет слободской говор, что в определенной степени обусловлено историей его формирования. В целом можно заключить, что модификации в системе числительных удмуртского диалектного языка свидетельствуют об инновационных процессах в их становлении и развитии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) языки и диалекты: вч. – верхнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; диал. – диалектная форма; кз. – коми-зырянский язык; кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта; кп. – коми-пермяцкий язык; нч. – нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; рус. – русский язык; сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта; сч. – среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка; удм. – удмуртский язык;

б) населенные пункты по говорам нижнечепецкого диалекта:

слободской говор: Бур. – д. Бурино, Слободской р-н; Кар. – с. Карино, Слободской р-н; НМоч. – д. Нижнее Мочагино, Слободской р-н; Ом. – д. Омсино, Слободской р-н; Пас. – д. Паскино, Слободской р-н; Пес. – д. Пески, Слободской р-н; Свет. – д. Светозарево, Слободской р-н;

косинский говор: Ас. – д. Астрахань, Унинский р-н; Берез. – д. Березник, Зуевский р-н; ВМоч. – д. Верхнее Мочагино, Зуевский р-н; Мух. – с. Мухино, Зуевский р-н; Ок. – п. Октябрьский, Зуевский р-н; Сиб. – д. Сибирь, Унинский р-н.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 45–96.
- Атаманов М. Г.* От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов М. Г.* Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005а. 248 с.
- Атаманов-Эграпи М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2017. 592 с.
- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Баталова Р. М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.
- Бушмакин С. К.* Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. 372 с.
- Загуляева Б. Ш.* Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка // Fenno-Ugristica. Тарту, 1980. Вып. 6. С. 103–110.
- Загуляева Б. Ш.* Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980а. 16 с.
- Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
- Карпова Л. Л.* Некоторые особенности фонетической синтагматики в нижнечепецком диалекте удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 17–36.
- Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
- Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26–61.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
- Максимов С. А.* Числительные в пермских языках: прошлое и настоящее // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, вып. 3. С. 7–17.

- Максимов С. А. Северноудмуртско-коми ареальные языковые параллели: лексика, фонетика, морфология. Ижевск, 2018. 336 с.
- Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.
- Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014. 272 с.
- Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 392 с.
- ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.
- Стрелкова О. Б. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Удм. ун-т, 2013. 238 с.
- Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки. Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156–196.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970а. 288 с.
- УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфология) (Морфология удмуртского языка). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2011. 408 с.
- Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238).
- Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.

Поступила в редакцию 15.08.2022

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Барамзиной, 34
e-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

MODIFICATIONS IN THE SYSTEM OF NUMERALS IN THE LOWER CHEPTSA DIALECT OF THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-556-566

This paper explores the functioning of numerals in the Lower Cheptsä dialect which is a part of the Northern Udmurt dialect. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive research of the system of numerals in the context of territorial varieties of the Udmurt language. The Lower Cheptsä dialect developed in isolation from the basic area of distribution of the Udmurt dialects, as a result of which a number of features were formed in its language system. The study demonstrates that in the studied dialect numerals in their substantial and structural characteristics largely coincide with the system of the Udmurt literary language. The author focuses on peculiarities distinguishing the studied dialect from other Northern Udmurt dialects. Specific phenomena in the formation and use of certain numbering words are noted. The researcher focuses on features that are highlighted in the phonetic design of individual simple numerals. The territorial prevalence of dialect modifications of numerals in the Northern dialect space of the Udmurt language is also revealed. Language phenomena of the Lower Cheptsä dialect are compared with analogous phenomena of the Northern Udmurt dialects and other subdialects. At present, in the Lower Cheptsä dialect traditional names of numbers are used together with Russian borrowings. A similar trend has been outlined in other Udmurt dialects in recent years. The data presented show that among the examined subdialects, the Slobodskoy subdialect bears more specific features in the functioning numerals, which to a certain extent is due to the history of its formation. The empirical base of the research is the language materials of the author's dialectological expeditions to the areas of Lower Cheptsä Udmurts.

Keywords: Udmurt language; grammar system; dialectal morphology; Northern dialects; numerals; morphological structure; phonetic design; dialectal variation; functioning of numerals.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 556–566. In Russian.

REFERENCES

- Atamanov M. G.** Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhovsky subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. Pp. 45–96. In Russian.
- Atamanov M. G.** *Ot Dondykara do Ursyurta. Iz istorii udmurtskikh regionov* [From Dondykar to Ursyurt. From the history of Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 216 p. In Russian.
- Atamanov M. G.** *Pesni i skazy ushedshikh epokh* [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005a. 248 p. In Russian.
- Atamanov-Ehgrapi M. G.** *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The origin of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2017. 592 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. In Russian.
- Batalova R. M.** *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies on the Eastern Finno-Ugric languages (the Komi languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 168 p. In Russian.
- Bushmakin S. K.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka: Aforef. dis. kand. ... filol. nauk* [Phonetic and morphological features of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. 28 p. In Russian.
- GSUYa 1962** – *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Udmurt language: phonetics and morphology]. Izhevsk, 1962. 376 p. In Russian.
- Zagulyaeva B. Sh.** *Morfologicheskie osobennosti prikil'mezskikh govorov* [Morphological features of the Kilmez subdialects] // *Fenno-Ugristica*. Tartu, 1980. Issue 6. Pp. 103–110. In Russian.
- Zagulyaeva B. Sh.** *Prikil'mezskie govory udmurtskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Kilmez subdialects of the Udmurt language. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tartu, 1980. 16 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Srednechepetskii dialect udmurtskogo yazyka: Obraztsy rechi* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language: Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. In Udmurt and Russian.
- Karpova L. L.** *Nekotorye osobennosti foneticheskoi sintagmatiki v nizhechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka* [Some Features of Phonetic Sintagmatics in the Lower Chepts Dialect of the Udmurt Language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. Vol. 10, Issue 2. Pp. 17–36. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kukmorskii dialect udmurtskogo yazyka. Aforef. ... kand. filol. nauk* [Kukmor dialect of the Udmurt language: extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 24 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkaya kharakteristika kyrykmaskikh govorov yuzhnoudmurtского narechiya. 1* [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Voprosy udmurtskoy dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977. Pp. 26–61. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. In Russian.
- KESK 1970** – **Lytkin V. I., Gulyaev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. 386 p. In Russian.
- Lyukina N. M.** *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan* [Phonetic and morphological features of the language of Lekminsky and Yundinsky Besermyans]. Izhevsk: Institute for Computer Research Publ., 2016. 200 p. In Russian.
- Maksimov S. A.** *Chislitel'nye v permskikh yazykakh: proshloe i nastoyashchee* [Numerals in the Permic languages: the Past and the Present] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. Vol. 11, Issue 3. Pp. 7–17. In Russian.
- Maksimov S. A.** *Severnoudmurtско-komi areal'nye yazykovye paralleli: leksika, fonetika, morfologiya* [North Udmurt-Komi areal linguistic parallels: vocabulary, phonetics, morphology]. Izhevsk, 2018. 336 p. In Russian.
- Nasibullin P. Sh.** *Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov* [Observations on the language of the Krasnoufimsk Udmurts] // *O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya* [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978. Pp. 86–151. In Russian.
- Popova R. P., Sazhina S. A.** *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti komi dialektov (sravnitel'nyy aspekt issledovaniya)* [Phonetic and morphological features of the Komi dialects (comparative aspect of the study)]. Syktyvkar, 2014. 272 p. In Russian.
- Serebrennikov B. A.** *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov* [Historical morphology of the Permic languages]. Moscow, 1963. 392 p. In Russian.

SSKZD 1961 – *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [The comparative dictionary of the Komi-Zyrian dialects]. Compiled by T. I. Zhilina, M. A. Sakharova, V. A. Sorvacheva; Edited by V. A. Sorvacheva. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo Publ., 1961. 492 p. In Zyrian and Russian.

Strelkova O. B. *Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka. Istoriya i tipologiya* [Udmurt numerals. History and typology]. Izhevsk: Udmurt university Publ., 2013. 238 p. In Russian.

Teplyashina T. I. *Nizhnechepetskie govory severnoumurskogo narechiya* [The Lower Chepsta subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. Pp. 156–196. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. In Russian.

UKK 2011 – *Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiya)* (Morfologiya udmurtskogo yazyka) [Morphology of the Udmurt language]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 2011. 408 p. In Udmurt.

Bartens R. *Permilaisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238). In Finnish.

Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005, 410 S. In German.

Received 15.08.2022

Karpova Ludmila Leonidovna,

Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, 426067, Russian Federation,
e-mail: karpovalud@rambler.ru